Все присутствующие разом притихли, переглядываясь друг с другом.

Когда Гу Чи скрылся за дверью кухни, одна из девушек, которую звали Чжао Юй, прошептала:

— Опять мы разозлили Гу Чи.

— Да любой на его месте не обрадовался бы, если бы к нему прицепилась эта дрянь, — отозвался Сяо Жэнь.

— Меньше болтай, — учитель Бай постучал палочками по краю миски. — Ешьте быстрее, а потом идите мыться, нечего ждать друг друга. Чья сегодня очередь мыть посуду?

За столом снова воцарилось оживление, послышался смех.

Только вот имя Хуан Цзе больше никто не произносил.

Вторым из-за стола встал Цзян Цзибэй.

Он ел мало, да и порцию взял небольшую, к тому же был привередлив в еде, так что быстро закончил трапезу и вернулся в комнату.

Гу Чи лежал на кровати с книгой.

Окно в комнате было открыто, и неприятный запах наконец почти выветрился.

Прохладный ночной ветерок врывался в комнату, заставляя шторы мерно колыхаться, а пряди волос Гу Чи — слегка подрагивать.

Заметив, что вошел Цзян Цзибэй, Гу Чи приподнял книгу, закрывавшую лицо, обнажив половину щеки и один ярко-голубой глаз:

— Наелся?

Цзян Цзибэй не успел ответить, как в него полетел какой-то предмет.

Поймав его на лету, он опустил взгляд и с удивлением обнаружил пачку лапши быстрого приготовления.

Он насмешливо изогнул губы и посмотрел на Гу Чи:

— И как это есть?

— Не умеешь? — Гу Чи удивленно вскинул брови, отложил книгу, соскочил с кровати и лениво протянул руку: — Давай сюда.

Цзян Цзибэй отдал ему пачку, а сам, прислонившись к лестнице и скрестив руки на груди, с интересом принялся наблюдать.

Гу Чи ловко размял брикет лапши прямо в упаковке, надорвал край и высыпал внутрь пакетик с приправами.

Зажав отверстие, он потряс пачку, чтобы специи распределились равномерно, и протянул её Цзян Цзибэю:

— Держи.

Цзян Цзибэй опустил руки, взял лапшу, но не спешил пробовать.

Он некоторое время смотрел на пакет, о чем-то размышляя, а затем произнес:

— У меня был друг, который тоже любил так есть лапшу.

— Кто? — спросил Гу Чи.

— Не могу вспомнить, — Цзян Цзибэй покачал головой и высыпал немного крошек себе на ладонь.

Он был человеком утонченным, даже лапшу ел с невероятным изяществом.

Кто же это? Какой именно друг? Почему он никак не может вспомнить?

Видя, что Цзян Цзибэй погрузился в свои мысли и больше ничего не говорит, Гу Чи не стал расспрашивать. Он взобрался на кровать и продолжил чтение.

Лапши было немного, и пакет быстро опустел, но этого хватило, чтобы утолить голод.

Цзян Цзибэй смял упаковку и только направился к мусорному ведру, как вдруг из коридора донесся пронзительный визг:

— А-а-а-а-а!

Он тут же бросился к выходу, а следом за ним, спрыгнув с кровати в тапочках, помчался Гу Чи.

Выбежав в гостиную, Цзян Цзибэй увидел, что все столпились у двери в ванную. Дверь была плотно закрыта, внутри кто-то был, и крики доносились именно оттуда.

— Что случилось? Кто внутри? — спрашивал учитель Бай, колотя в дверь.

— Это Чжао Юй, — ответила Линь Лили. — Она пошла мыться.

— Чжао Юй, ты в порядке? — крикнул учитель Бай. — Отзовись!

Не успел он договорить, как дверь распахнулась.

Чжао Юй стояла на пороге, дрожа всем телом и выглядя совершенно обезумевшей от страха. С её волос капала вода, пижама прилипла к телу, вид у неё был жалкий.

— У-учитель…

Увидев это, двое парней, не считая Цзян Цзибэя и Гу Чи, начали шумно улюлюкать:

— О-о-о!

Толстяк орал громче всех:

— Сиськи видно! Светит!

— Заткнитесь! Что вы орете? — учитель Бай обернулся, чтобы прикрикнуть на них, а затем снова посмотрел на грудь Чжао Юй, нахмурившись. — Чжао Юй, чего ты кричала?

— Учитель, там… в раковине… кран… из крана течет кровь… — Чжао Юй была бледнее мела и указывала пальцем внутрь ванной, едва ворочая языком.

— Кровь из крана? Что за вздор? — учитель Бай нахмурился, оттолкнул Чжао Юй и шагнул в ванную.

Любопытные студенты повалили следом, Цзян Цзибэй смешался с толпой, делая вид, что ему тоже очень интересно.

В ванной было душно и влажно, повсюду висел пар, а на полу блестели лужи воды.

Учитель Бай подошла к раковине и открыла кран — из него тут же брызнула густая красная жидкость.

Не только учитель Бай вздрогнула, но и девушки рядом вскрикнули:

— А! Кровь!

Учитель Бай поспешно закрутила кран, вид у неё был неприятный:

— Что за чертовщина?!

Чжудуцзи, стоявшая в первых рядах, побледнела, покрылась холодным потом и выглядела так, будто вот-вот расплачется:

— Учитель, это так страшно…

Увидев её жалобный вид, девушки тут же забыли о собственном испуге и принялись успокаивать её:

— Всё хорошо, Яньжань, не бойся! Учитель Бай здесь, всё будет в порядке!

Кинозвезда. Настоящая кинозвезда.

В тот момент, когда их взгляды встретились, Цзян Цзибэй мысленно поставил Чжудуцзи большой палец вверх.

Пока она демонстрировала актерское мастерство, Гу Чи внезапно растолкал всех, подошел к раковине и снова открыл кран.

Красная жидкость хлынула снова, но он начал крутить кран, прибавляя напор до максимума.

Через пару секунд вода стала прозрачнее и вскоре превратилась в обычную чистую струю.

— Как это понимать? — учитель Бай застыла в недоумении. — Почему она снова стала нормальной?

Гу Чи потер пальцем край отверстия крана и, опустив взгляд, произнес:

— Это розыгрыш. Кто-то нанес красный порошок на выходное отверстие.

Он вытащил бумажную салфетку, протер кран и показал всем — на салфетке остались следы красной вязкой массы, которую не успело смыть.

— Это реквизит для спецэффектов, такие используют на съемках, — пояснил Гу Чи.

— Кто это сделал? Совсем с ума посходили? — учитель Бай была в ярости, ведь она только что потеряла лицо перед студентами.

Толстяк в стороне вдруг начал хихикать.

— Толстяк, это опять ты! — догадалась Чжао Юй, кутаясь в полотенце, и закричала: — У тебя с головой всё в порядке? Не можешь заняться чем-то полезным?

— Кто же знал, что ты такая трусиха, — Толстяк презрительно хмыкнул. — Так перепугаться из-за ерунды.

— Ты такой мерзкий, жирный ублюдок!

Цзян Цзибэй не знал, что и сказать. Оказалось, это Толстяк устроил розыгрыш — человек он был довольно гнилой.

Среди общего шума Цзян Цзибэй заметил, что Гу Чи тихонько ускользнул. Он тут же последовал за ним и вернулся в комнату.

Едва войдя, Цзян Цзибэй закрыл дверь. Повернувшись к Гу Чи, он прямо спросил:

— Гу Чи, ты так хорошо разбираешься в кинореквизите. Ты актер? Или работаешь в съемочной группе?

Гу Чи, невозмутимый как всегда, продолжал увиливать:

— Я просто киноман.

— Как тебя зовут на самом деле?

— Гу Чи.

— Ты же знаешь, что я спрашиваю настоящее имя. — Цзян Цзибэй сделал несколько шагов вперед, остановился перед ним и пристально посмотрел в его голубые глаза. — Меня зовут Цзян Цзибэй.

Услышав его признание, Гу Чи с деланным удивлением произнес:

— О, неужели ты тот самый воротила киноиндустрии?

Поразительно. Продолжает играть роль.

— На данный момент только ты знаешь, кто я такой на самом деле, — Цзян Цзибэй спокойно улыбнулся, но в его голосе чувствовалось давление. — Теперь твоя очередь.

Они замерли друг напротив друга, никто не хотел уступать.

— Меня зовут К. Безработный, перебиваюсь случайными заработками на черном рынке, — наконец сдался Гу Чи, видя, что Цзян Цзибэй не отступит. — Есть работа — тружусь, нет — отдыхаю.

— И это всё? — спросил Цзян Цзибэй.

— Всё, — искренне подтвердил Гу Чи.

Они еще некоторое время сверлили друг друга взглядами. Только когда в комнату вошли остальные, Цзян Цзибэй улыбнулся и, едва заметно скрипнув зубами, отвел взгляд.

Гу Чи лег на кровать и с невинным видом накрыл лицо книгой.

До самого отбоя им так и не удалось остаться наедине.

Однако, к удивлению, тема, прерванная за ужином, внезапно всплыла снова.

— Да что обсуждать эту шлюху, — проворчал Толстяк, свернувшись под одеялом. — У меня при одном упоминании её имени всё падает.

— Толстяк, хватит дрочить, мать твою! Кровать так ходит, что у меня мозги вытрясет! — рявкнул Сяо Жэнь, спавший на нижней полке, и пнул днище кровати.

— Ой, бля! — выругался Толстяк. — Всё одеяло испортил! Вот сука!

Цзян Цзибэя затошнило. Он уставился в потолок, мечтая лишь о том, чтобы собрать вещи и немедленно сбежать отсюда.

После шороха бумаги Толстяк с наслаждением вздохнул и продолжил:

— Она сама виновата. Кто её просил лезть к нам со своими провокациями?

— Да ладно? Я видел, как ты вечно воровал её тетради и дневники. Может, она тебе нравилась? — поддел его Сяо Жэнь.

— Иди ты к черту! — рявкнул Толстяк. — Скажу правду: вы что, не видели, что она специально нарывалась, чтобы мы её побили? Есть люди, которым просто хочется получить по морде.

— С чего бы ей это делать? — удивился Сяо Жэнь. — Сразу скажу: я никогда не хотел её обижать, просто следовал за вами.

— Да брось, она была ненормальная, — злобно отозвался Толстяк. — Её смерть — это закономерность. Если бы она тогда не приперлась на речку…

Он внезапно замолчал. В общежитии воцарилась тишина.

Через некоторое время Гу Чи, который до этого молчал, спросил:

— Она правда сама оступилась и упала в реку?

Вопрос Гу Чи внезапно взбесил Толстяка. Он резко откинул одеяло и сел на кровати:

— А что, по-твоему, я её толкнул? Я даже прикасаться к ней брезговал! Гу Чи, ты сегодня какой-то странный. Раньше ты был первым, кто старался держаться от Хуан Цзе подальше!

— Просто спросил, — Гу Чи повернулся на другой бок. — Спим.

Толстяк еще немного поворчал в пустоту, но, не встретив поддержки, недовольно лег обратно.

Цзян Цзибэй тоже закрыл глаза.

Посреди ночи, под аккомпанемент оглушительного храпа и скрежета зубов, Цзян Цзибэй внезапно открыл глаза.

Он засунул руку под подушку, достал листок бумаги и спрятал его под пижаму. Затем бесшумно встал и вышел из комнаты.

Повернув дверную ручку, он осторожно прикрыл за собой дверь.

Стоило ему обернуться, как он наткнулся на бледное, опухшее лицо. Глаза закатились, обнажая белки с красными прожилками, и раздался жалобный шепот:

— Ты наконец пришел… Я так долго тебя ждала…

Цзян Цзибэй взглянул на неё и невозмутимо спросил:

— Тебе не кажется, что это невежливо?

Чжудуцзи вернула глаза на место, выключила фонарик и разочарованно протянула:

— Неужели тебе совсем не бывает страшно?

Цзян Цзибэй направился в сторону гостиной:

— Бывает.

— Когда? Расскажи! — Чжудуцзи, оживившись, засеменила следом.

— Семь лет назад, катастрофа на трассе 03618.

Цзян Цзибэй зашел за диван, сел, скрывшись за его спинкой, и поднял взгляд на уличный фонарь за окном. Тусклый свет отразился в его глазах, словно одинокий маяк в мертвом море.

— Мою подругу детства разорвало на куски. Её останки были размазаны по дороге, их невозможно было соскрести даже пинцетом.

Цзян Цзибэй говорил абсолютно спокойно.

Чжудуцзи, которая только что села рядом, судорожно вздохнула:

— Черт… Цзибэй, это…

— Не нужно меня утешать. Давай к делу, — он опустил голову и засунул руку под пижаму.

— Что ты делаешь? — Чжудуцзи напряглась. — Не вздумай чудить.

Цзян Цзибэй бросил на неё безмолвный взгляд и вытащил листок.

В слабом свете Чжудуцзи увидела, что это почетная грамота, разорванная, а затем аккуратно склеенная скотчем. На ней было написано имя Хуан Цзе.

— Ладно, не буду тебя мучить, у меня тоже кое-что есть, — она закатала рукав и отлепила от кожи сложенный вчетверо листок. — Это табель успеваемости Хуан Цзе.

Цзян Цзибэй только протянул руку, как в тишине прозвучал резкий голос:

— Кто здесь?

Они с Чжудуцзи застыли и инстинктивно переглянулись.

Кто-то вышел совершенно бесшумно, так, что они даже не заметили.

Секунду спустя Чжудуцзи беззвучно прошептала, одними губами: Это Гу Чи.

Цзян Цзибэй кивнул, быстро готовя ответ. Он поднялся из-за дивана и спокойно произнес:

— Это я.

Чжудуцзи тоже встала:

— И я.

Гу Чи стоял в центре гостиной, глядя то на растрепанного Цзян Цзибэя, то на Чжудуцзи с засученными рукавами, и наконец нахмурился:

— Вы двое… встречаетесь?

http://bllate.org/book/21804/2256559